

II. *)

Дорогой Владыка!

Третій разъ на долю меня недостойнаго выпадаетъ высокая честь говорить тебѣ привѣтственное слово при встрѣчѣ въ храмѣ. Въ первый разъ мнѣ пришлось говорить тебѣ привѣтственную рѣчь въ Тюменскомъ Знаменскомъ соборѣ, когда ты въ прошломъ году впервые вступилъ въ предѣлы Тобольской епархіи. Тогда мы уже достаточно были смущены и подавлены и первыми признаками начавшагося государственнаго разрушенія, и первыми скорбями, начинавшими выпадать на долю православнаго пастырства отъ наступившаго политическаго момента. И ты преподаль тогда намъ глубокое мудрое назиданіе, указавъ, что скорби есть неизбѣжный спутникъ пастырства и что намъ нашу жизнь необходимо строить на истинно—церковныхъ началахъ, чтобы она имѣла свой настоящій, подлинный смыслъ. Второй разъ пришлось привѣтствовать тебя при вступленіи въ этотъ, дорогой для тебя, нашъ кафедральный соборъ 6 декабря минувшаго года, когда ты явился въ нашъ тихій городъ Тобольскъ изъ Москвы послѣ неслыханной, небывалой еще въ исторіи Россіи братоубійственной бойни между, такъ называемыми, большевиками, съ одной стороны, и лучшей частью русскаго общества въ лицѣ самоотверженно—настроенной интеллигентной молодежи, съ другой. Тогда ты обратился къ намъ съ горячимъ призывомъ къ миру и въ знакъ того, что эти твои слова не пустой звукъ, ты тутъ же далъ намъ поразительный примѣръ братскаго примиренія. О, какъ глубоко растрогала насъ эта душу потрясающая картина истинно—христіанскаго, истинно—братскаго примиренія!

И вотъ, въ третій разъ приходится говорить тебѣ слово привѣтствія, но ты... ты молчишь. И мы не только не слышимъ твоего звучнаго мелодичнаго голоса, но мы не видимъ и твоего лучезарнаго лика, мы не чувствуемъ на себѣ твоего въ душу проникающаго ласкающаго взора. Все сокрыто въ этомъ нѣмомъ гробѣ. И гробъ молчитъ. Но не молчатъ эти несмѣтныя толпы тѣснящагося ко храму плачущаго народа, не молчитъ и наша собственная совѣсть, наше чувство нравственной отвѣтственности. Народъ плачетъ, горько плачетъ и этимъ говоритъ намъ, что насъ постигло тяжкое горе, что мы понесли невознаградимую утрату, что въ нашей жизни произошло великое несчастье. А наша собственная совѣсть, наше чувство нравственной отвѣтственности всѣ наши мысли устремляетъ къ этому гробу, нѣмому, молчащему, но въ своей нѣмотѣ въ высшей степени краснорѣчивому свидѣтельству совершившагося у насъ ужаснаго факта. По поводу этого несомнѣннаго факта, по поводу мученической кончины нашего дорогого Архипастыря, наша совѣсть ставитъ предъ нами очень острый, жгучій вопросъ: за что?.. За что такъ жестоко пострадалъ этотъ молитвенно настроен-

*) Рѣчь при встрѣчѣ гроба, съ паперти Тоб. кафедральнаго собора, 28 іюля 1918 г.

ный старецъ, этотъ талантливый проповѣдникъ, этотъ замѣчательный человѣкъ нашего времени?..

О, дорогіе братіе! Если мы вдумаемся въ этотъ вопросъ, то несомнѣнно рѣшимъ его въ томъ смыслѣ, что нашъ дорогой Архипастырь пострадалъ за насъ, явившись жертвою за наше неустройство, за наши безпорядки, за все зло и за всю жестокость переживаемаго нами времени. Развѣ мы не видимъ, что настала полоса въ нашей жизни, когда неизбежными становятся человѣческія жертвы? Развѣ мы не слышимъ, не знаемъ и не читаемъ, какими широкими потоками уже въ теченіе цѣлаго года лилась и до сего времени льется человѣческая кровь на всемъ пространствѣ обширной матушки—Руси? Развѣ мы укажемъ, развѣ мы назовемъ хотя бы одинъ городъ, гдѣ бы не было пролито человѣческой крови, гдѣ бы не было принесено человѣческихъ жертвъ кровавому Молоху революціи? Но нашъ Тобольскъ, слава Богу, до сего времени былъ свободенъ отъ принесенія человѣческихъ жертвъ, у насъ, благодареніе Господу, до сего времени не было пролито ни единой капли крови на жаждущей крови почвѣ революціи. И такъ какъ, по невѣдомымъ пока для насъ жизненнымъ законамъ переживаемаго нами времени, нельзя никакому сколько—нибудь значительному человѣческому селенію обойтись безъ человѣческихъ жертвъ, то эта кровавая участь, эта доля явиться жертвою, эта необходимость воспріять мученической вѣнецъ выпала на дорогого для насъ Владыку Гермогена. Онъ пострадалъ за насъ, чтобы насъ избавить отъ этой ужасной участи. Къ нему въ полной силѣ приложимы слова пророка: „Онъ далъ душу свою въ избавленіе за многихъ“. Не явись онъ жертвою, потребовались бы другія, можетъ быть, болѣе многочисленныя жертвы. Но онъ принесъ себя въ непорочную, чистую жертву и этимъ заставилъ содрогнуться человѣческія сердца отъ кошмарнаго зрѣлища той сатанинской злобы, жертвою которой онъ палъ. Онъ до наглядной очевидности убѣдилъ въ томъ, что нельзя, что некуда идти дальше по пути человѣческаго озлобленія, что необходимо осмотрѣться, остановиться, покаяться и твердо встать на путь всяческаго исправленія—и нравственнаго, и экономическаго, и государственнаго, словомъ—исправленія народнаго, чтобы вновь зажечь не звѣриною, а человѣческою жизнью, чтобы кончилось безсмысленное звѣрское самоистребленіе русскихъ людей, смѣнившись братскою любовью и взаимною поддержкою по пути всесторонняго исправленія, укрѣпленія, развитія и совершенствованія.

И такъ какъ онъ явился жертвою человѣческаго озлобленія, то его мученическая кончина представляетъ собою могучій, самый громкій и внушительный призывъ къ любви, къ миру, къ братскому объединенію и глубокой проникновенной молитвѣ. Онъ самымъ фактомъ своей ужасной страдальческой кончины какъ бы тамъ говоритъ намъ: „Дорогіе мои братіе! Видите, какъ я пострадалъ отъ неустройства, отъ безпорядковъ, отъ всего зла вашей жизни! Потому оставьте борьбу, ссоры, самоистребленіе. Ищите прежде всего духа братской любви, мира и

могучаго, покаяннаго настроенія. Тогда прекратятся всѣ ваши бѣдствія и страданія и надъ вами вновь почиетъ благословеніе Божіе“!

И развѣ этотъ призывъ остается безплоднымъ? Вы видите, какую массу всякаго люда его смерть объединила около себя. Повидимому всѣ, забывъ свои особыя интересы и партійныя разногласія, слились въ одномъ чувствѣ глубокаго преклоненія, какъ предъ великою личностью почившаго, такъ и въ особенности предъ его мученической кончиной. И развѣ тутъ мѣсто человѣконенавистническимъ чувствамъ? Развѣ тутъ мѣсто злобы, ненависти и мщенію? О, нѣтъ! Это было бы поруганіемъ надъ свѣтлой памятью почившаго, это было бы поруганіемъ надъ тѣми святыми слезами, которыя въ такомъ благодатномъ изобиліи омывають эту страдальческую кончину. Поэтому не будемъ омрачать нашего высокаго настоящаго настроенія чувствами злобы, ненависти или мщенія, но всѣ сольѣмтесь въ одномъ чувствѣ мира, и любви, и глубокой проникновенной молитвы, умоляя Всеблагото Господа вселить душу умученнаго епископа тамъ, гдѣ „ликъ мученической веселится“.

Протоіерей Влад. Хлыновъ.